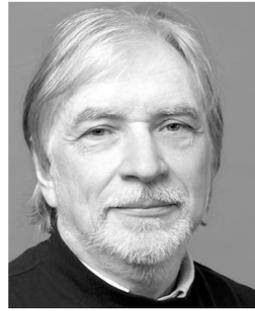

Юрий Мелюшонок

ПИЯВКИ

Юным предпринимателям 60-х

Двоюродные братья Миша и Юра хорошими учениками не были. Годы, напомним вам, были шестидесятые, когда детей, не похожих на остальных, никто не щадил. А братья были как раз из таких. В Мише пульсировала не по возрасту предпринимательская жилка. Юра обладал не по годам развитым чувством юмора. Таким развитым, что в пионеры Юру приняли, когда его сверстники уже добрых два года носили галстуки. Но в то время, о котором пойдет речь, Юра, может, даже и октябренок не был, а вот брат Миша, родившись на год раньше, носил октябрятскую звездочку, которую не раз закладывал за копейку во время игры в «тюшку». Но всякий раз звездочку ту отыгрывал и, забрав не только свое, но и чужое, уходил в другой двор «чистить» соседских пацанов.

Как-то, в последний школьный день, перед началом летних каникул, Мишина мама узнает, что Юрин класс едет на экскурсию за город и желает, чтобы Миша поехал вместе с ним. Юрина же мама, женщина умная, ходящая в спортивных начальниках, понимая, что из этой затеи ничего хорошего не выйдет, соглашается лишь потому, что сестре нужен отдых. Учительница, которая никогда Мишу не видела, дает разрешение. Старший брат при Юре лишним не будет.

В назначенный час экскурсии весь класс собирается у памятника юному Ленину, возле школы. Подкатывает автобус. Расселись. Поехали. Юра с Мишей сидят сзади. Миша всю дорогу серой спичечных головок заряжает самопал. Учительница сидит впереди. Дети смотрят в окна. Юра при старшем брате, чем-то занят. Можно и самой книжку почитать.

Когда вышли из автобуса, Миша выстрелил. Выстрел получился громовой. Из кабины выскочил водитель – посмотреть, не лопнуло ли колесо.

Учительница тут же забрала у Миши спички. А вот самопала Миша не отдал. Автобус уехал. Класс двинулся изучать родной край. Пройдя через поле васильков, остановились возле маленькой змеевидной речушки, которую, будь она чище, можно было бы назвать ручьем. Расстелили взятые из дома одеяла. Кто-то лег загорать, кто-то стал играть в бадминтон. Юра стал веселить девочек пересказом комедийного фильма. Миша с деловым видом пошел разведать, что вокруг интересного.

Валик, толстый малый, с большой красной бородавкой на носу, привез с собой «Селгу», настроил на «Маяк» и теперь, под звуки музыки, загородная прогулка стала еще приятнее. Девочки затеяли танцы, услышав песенку про «Манжерок». Валик – пацан зажиточный, отец у него ходит в начальниках на ликеро-водочном заводе. В школьном буфете кто-то простоит в очереди и купит морковку за копейку, а Валик без коржика и компота никогда не уходил. Считай, восемь плюс пять – тринадцать копеек. Но и денег на ветер он без толку не бросал. Сегодня из дома привез помимо булочек с изюмом и горы бутербродов трехлитровую банку томатного сока. Эта банка тут же заинтересовала Мишу, который, погуляв по окрестностям, вернулся с какой-то идеей. И говорит ему Миша, что за банку, только пустую, даст ему десять копеек. У Валика в голове своя арифметика. Как-то следуя школьному заданию: «Посетите места, где работают родители», он посетил папу на его заводе и вынес незаметно в портфеле четыре бутылки водки. Водку вылил в речку Свислочь, чем дал ближайшим лягушкам на час уйти в мир грез, а бутылки сдал. И сорок восемь копеек живых денег положил в карман. Конечно, выгоднее было бы продать водку. Но кто ее купит у пацана? Дадут подзатыльник и заберут. Теперь же, в случае с соком, налицо и польза, и выгода, потому как сок, в отличие от водки, можно выпить. И никогда не сдававший банок Валик соглашается. Единственное неудобство в том, что Мише банка нужна прямо сейчас. Валик, стараясь не дышать, выпивает весь сок до дна. После чего, боясь икнуть, сидит остаток дня на травке, в тени березки, раз от разу исчезая в кустах.

Получив банку, Миша дает знак Юре следовать за ним. Они подходят к затопке, в которую втекает речушка, и Миша говорит: «Знаешь, сколько здесь пиваков? Их в аптеке принимают по двадцать копеек». «За самок или за самцов?» – шутит Юра. «За тех и тех, – серьезно отвечает Миша. – Но мы отдадим по десять. По десять точно возьмут», – делится он вычислениями, интуитивно понимая, что нужно дать заработать еще и аптекарю.

Начинается ловля пиваков. Их действительно много. Скоро в воде уже полно пацанов и визжащих девчонок. Учительница пытается протестовать, но в ответ летят крики «жарко же», к тому же глубина – курице по колено, и это ее успокаивает.

Проходит час. Миша сам уже пиваков не ловит, а дав указания, как прутиком поддевать их и бросать в банку, следит за работой. Сортирует улов, отбрасывает мелких, принимает только крупных. Пройдет немного лет, и Миша наладит производство подтяжек «Лэвис». Или «Ливайс», как теперь говорят. Работяги за бутылку будут выносить ему широкую резиновую ленту с «рейтузной фабрики», кто-то за копейки пришьет на кончики ленты бретельки, кто-то сделает трафарет, чтобы прокатывать по ленте краской буквы «Levis». Подтяжки будут бандеролями рассылаться по всему Союзу. И потребитель за невысокую цену сможет приобщиться к избранным, превратив свои никакие джинсы «Шарик» в весьма приличные «чухассы». А потом пройдет еще несколько лет, и Миша организует пункты балансировки колес. Если колесо насадить на нечто, напоминающее большую катушку от ниток и раскрутить, то несбалансированное колесо будет отклоняться при вращении в сторону. Грузик на обод повесил – и готово, колесо сбалансировано. И главное, никакого японского или немецкого оборудования с окошками мигающих электронных цифр. «Все по законам физики», – гордо прокомментирует изобретение Миша. По каким именно законам, он не скажет. Но

все вокруг заговорят: «Жил бы Миша при капитализме, был бы у него пряничный замок на берегу молочного моря, по которому плавал бы он в золотой ладье с шелковыми парусами».

Юра не претендовал на пиявок в банке. Это была Мишина добыча, это было его хозяйство и его, связанная со всяким хозяйством, проблема. Кое-что на счет индивидуальной собственности в коллективе, где все общее, Юра усвоил раз и навсегда. Случилось это, когда какой-то человек подбросил к их многоквартирному дому щенка. Видимо, человек надеялся, что милому существу найдется хозяин, и его возьмут в дом. И действительно, нашлось с десяток хозяев. Мальчишки и девчонки целый день тискали его, но потом все побежали в соседний двор смотреть, как дяди, что «забивают козла», убивали кирпичом мышь. Ошалевшая мышь металась по детской площадке. Непохожий на остальных Юра смотреть на это не стал, а взял щенка и унес к себе в квартиру. Поступок, продиктованный здравым смыслом, что пора бы щенка покормить и дать ему поспать. Дома он уговорил маму оставить собачку, ну хотя бы ненадолго. Щенку налили в тарелочку молока. Он ел жадно, как поросенок. Но раздался звонок в дверь. На пороге – ватага девчонок и мальчишек. И Ленка из соседнего подъезда начинает обличительную речь, причем взрослыми словами. Из речи этой Юра узнает, что он «собственник-единоличник, присвоивший коллективного щенка». За Ленкой стоит рыжеволосая Вика, девочка на три года старше Юры, известная своей улыбкой и огромными зелеными глазами. И хоть с девчонками позор ходить в кино, но ребята постарше ее приглашали и даже считали за честь быть увиденным с ней, хотя за эту честь кроме билета в кино нужно было купить ей пирожное за двадцать две копейки. В общем, обходилась она недешево. После речи Ленки Юра сам вынес щенка за дверь. Она взяла его и почему-то передала рыжеволосой Вике. Дети еще некоторое время поиграли со щенком во дворе. Но наступил вечер, и все разошлись спать, оставив его под перевернутым ящиком. Юра хотел снова забрать щенка домой. «Не смей», – сказала мать. Щенок долго-долго скулил, затем приехала какая-то машина и увезла его. Это был тот урок, из которого Юра усвоил, что у всего должен быть один хозяин, а если это невозможно, то лучше стараться не желать ничего.

За ловлей пиявок день пролетел быстро. И вот ребята уже идут к автобусу. Миша тащит трехлитровую банку. Пиявок в ней так много, что кажется, в банке нет воды. «С этой гадостью ты в автобус не сядешь», – говорит ему учительница. «Тогда я остаюсь», – отвечает Миша. «Оставайся, скоро ночь», – говорит учительница. В ответ Миша, поставив банку на землю и поправив за поясом самопал, садится на ближайший камень. И вид у него такой, что всем ясно, дитя серым волком не напугаешь. То, что дитя нельзя оставить, понятно и ему, и учительнице. Противостояние долго не длится. Учительница, поднимаясь в автобус, говорит сквозь зубы: «Заходи, неслух».

Он отстоял свое богатство. В разборках девяностых, времени «назначенных собственников» и «собственников-самозванцев», отстаивать богатство будет сложнее. И пока «самозванцы», как Паниковский с Балагановым, катались по полу, вырывая друг у друга свое «богатство», «назначенные» забавы ради проигрывали в рулетку в Монте-Карло «богатство» на порядок большее. Напрашивается вывод: может, начинать нужно было не с пиявок? Ведь коммерческая не то что жилка, а «арта» была в нем, пульсируя и ища выхода. И если хотел Миша жить

в пряничном замке на берегу молочного моря, по которому плавал бы в золотой ладье с шелковыми парусами, то начинать, как потом выяснилось, нужно было с общественной работы. Быть полезным пионерии, комсомолу и так далее по цепочке. Тогда, палец о палец не ударив, в эпоху обмена убеждений на сбережения получил бы он свой кусок. Или, может, миловали его Небеса?

Но это будет потом, а тем временем автобус со школьниками по дороге в город попадает под обильный грозовой дождь, и к школе подъезжает умытый и сверкающий. Дети, прыгая через лужи, расходятся по домам. Миша с Юрой направляются в ближайшую аптеку. Она под номером девятнадцать находится в двух минутах ходьбы от школы, на привокзальной площади. Там, поставив банку с пиявками на прилавок, Миша говорит аптекарше: «Тут сорок штук. За каждую по десять». А чего «по десять», он не говорит. И Юра понимает, что он не говорит слова «копеек», видимо, думая, что могут дать больше. В воздухе повисает пауза. Пауза не тягостная, пауза, можно сказать, деловая. Посетители с ужасом смотрят на банку с кишашими в ней пиявками. Еще не произнося вслух ответа, аптекарша отрицательно качает головой. Миша опережает ее: «Возьмите по пять». Юра, чтобы скрасить следующую паузу, охрипшим за день сидения в холодной воде голосом вставляет: «Копеек». И в ожидании окончательного ответа они, как два мышонка, наблюдающих за хозяйкой из-под метлы, смотрят снизу вверх на аптекаршу, возвышающуюся над прилавком. «И даром не возьму, – отвечает она, – ваши пиявки не медицинские, а конские».

Миша забирает банку, и они выходят на улицу. Юра предлагает пойти в другую аптеку, ему жаль тех десяти копеек, что Миша потратил на банку, но так и не разбогател.

Теперь оставим их у аптеки и перенесемся в то время, когда Мише будет за пятьдесят. Время, нам хорошо уже знакомое. Соединим фантазию с известной нам реальностью и представим необычный парад, на котором могли бы встретиться все герои нашего рассказа. Парад, посвященный двадцатилетию капитализма, когда, согласно накопленному, проходят по проспекту полки богачей. А на трибунах – бюджетники. Те тоже стоят в порядке значимости. И будь там седовласый Юра – бюджетник и юморист, тянул бы шею из последних рядов. Так как это парад «наоборот», то открывает его не пехота, а техника, но вместо танков едут лимузины. Очередность прохождения участников парада зависит не от их вклада в экономику, а от того, кто и сколько может потратить и что себе позволить. И когда над лимузинами проносится стайка частных реактивных самолетов, громкоговоритель китайского производства торжественно вещает под фонограмму маршей: «Люди, сидящие в этих сверхзвуковых лайнерах, могут достичь и захватить любую недвижимость в любой точке планеты».

За лимузинами движется цепочка розовых «Бентли» и «Ламборджини». В них бывшие жены олигархов. Оказавшись на Западе, они развелись со своими мужьями по тамошним законам и теперь чувствуют себя свободными и богатыми. «Любой их каприз исполняется в два раза быстрее, чем у американок!» – летят восторженные комментарии из громкоговорителя. Сквозь окно ближайшей машины сверкает ослепительная улыбка из-под копны рыжих волос, и два зеленых глаза на миг пронзают трибуны.

Далее стройными рядами, чеканя шаг, проходят несколько коробок людей в непроницаемо черных очках. Громкоговоритель никак не комментирует их воз-

возможности, а торжественно зачитывает в это время приветственные телеграммы к двадцатой годовщине капитализма, присланные из братских капиталистических стран.

За ними движется рота банкиров. В руках у них надувные шары с названиями банков. Специальная установка во главе их колонны выпускает в воздух тысячи мыльных пузырей. «Владельцы роскошных вилл на Лазурном берегу», – поясняет громкоговоритель.

И вот вдоль трибун идет пестрая группа звезд эстрады, известных композиторов и продюсеров. «Богopodobные куми-и-иры!» – завывает громкоговоритель, игнорируя сразу первую и вторую Заповеди.

Тут же следом, на высоченных каблуках, с раздутыми на пол-лица губами, идут их тайные жены с квартирами в Лондоне и Париже, с семизначными счетами в банках на образование и последующую безбедную жизнь их тайных детей.

Немного погодя аранжированная под духовой оркестр мелодия песни «Мурка» открывает шествие потрепанной, то есть не в полном составе, но все еще в ярких малиновых пиджаках, бригады. «Двадцать лет – срок немалый...» – хрипит громкоговоритель. Посреди колонны несут, будто ковчег на носилках с длинными ручками, золотой сундук с выложенным изумрудами словом «общак».

Следом с синими одутловатыми лицами идут, как характеризует их громкоговоритель, «потомки тех, кто тайно разбогател еще в эпоху коллективной собственности». Среди общей одутловатости лиц особенно выделяется одно, с большой красной бородавкой на носу.

«Гордость за себя, вот что переполняет сегодняшних участников парада, – вещает громкоговоритель, – чем дальше от головной колонны движется процессия, тем шире веером ее участники держат пальцы».

А вдоль трибун идут уже владельцы непонятных совместных предприятий со счетами «ни там, ни сям», за ними те, у кого счета «только там», и замыкают колонну те, у кого счета «тут», коротко, но неясно, ибо нет на них ничего.

Тем временем, посверкивая перстнями на безымянных пальцах, к трибунам подходит необозримая толпа предпринимателей, уже не молодых, но все еще с неисчерпанным потенциалом. То есть людей, покупающих дорогие машины, но не новые, и приобретающих недвижимость за границей, но в виде квартиры в Болгарии. «И то, и другое делается не прихоти ради, а как капиталовложение», – комментирует их возможности громкоговоритель. Они идут ряд за рядом. По количеству это дивизия. Идут молча. Когдатошние призывы «Слава труду!» и ответное «Ура!» воздуха не сотрясают. И вдруг кто-то, проведший ночь в клубе, куда не всех пускают, и даже выпивавший с человеком, который мог бы запросто купить многоквартирный дом, как закричит в сторону трибун: «Я не пальцем деланный!» Это вызывает на трибунах недоумение, потому как зрители уже битый час наблюдают проходящие колонны и не понимают, почему из этой, довольно скромной по возможностям, и вдруг такая самореклама?

На крике этом позвольте закончить репортаж с фантастического парада. И если б шагал рядом с крикуном более чем пятидесятилетний Миша, то спросил бы для начала: «У тебя где дача?» И выслушав ответ, убил бы выскочку фразой: «А у меня рядом с городом, и не одна, а две! И это еще не все...»

Теперь отмотаем фильм жизни назад, в тот момент, когда на заре своей предпринимательской деятельности стоит Миша у аптеки с трехлитровой банкой, в

которой кишат пивьки. На вопрос Юры: «Пойдем или не пойдем в другую аптеку?» (вопрос, который он, как поросенок Пятачок Винни-Пуху, уже несколько раз повторяет, пытаясь поймать его внимание) – Миша, как бы очнувшись, вернувшись в реальный мир, дает непростой для него ответ: «Нет».

Они идут по привокзальной площади. На город спускаются свежие после грозы сумерки. В каждую лужу на площади они выпускают по несколько пивьков. И гости белорусской столицы, выбежавшие из вагона, чтобы купить пирожок или уже приехавшие и идущие с чемоданами, с недоумением смотрят на лужи с клубками расплзающихся в разные стороны пивьков. «Мы знали, что это край лесов и болот. Но чтобы до такой степени...»

Они прощаются у привокзального скверика. Дальше им идти в разные стороны. Миша уходит по аллее с пустой банкой. Юра говорит ему вслед: «Жаль, что зря потратил десять копеек». Миша бросает через плечо: «Банка стоит сорок».

ДЕСАНТ

В то время, о котором здесь пойдет речь, пляжи Канарских островов не слышали русского языка. Советские суда заходили в гавани Лас-Пальмаса или Санта-Круса, но моряки на пляжи не шли. Моряки за время увольнения едва успевали обежать магазинчики, где торговали в основном индусы, знавшие несколько русских слов. Суда тем же днем отчаливали, а купленный на маленьких Канарских островах товар можно было затем встретить в комиссионках огромного Советского Союза в отделах радиотехники и ковров, косметики и часов.

Итак, летом тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в порту Санта-Круса пришвартовался очередной теплоход с серпом и молотом на трубе. Портовый кран опустил в его трюм крюк, зацепил контейнер со спичками и... замер. Забастовка. А это значит – целую неделю гуляй, моряки, по городу сколько хочешь. Правда, свободные от вахты, по трое и в светлое время суток.

В первый день, еще не веря своему счастью, моряки на всякий случай пробежались по индийским магазинчикам, закупили что нужно и лишь тогда успокоились. На второй день огляделись. Заметили, вокруг публика отдыхает. Раскованные, вальяжные дяди и тети сидят в кафе, гуляют по набережной. На третий день койкому захотелось уже стать частью этой публики. И тройка в составе моториста, третьего механика и радиста, получив увольнение, двинула на пляж. «Вы представители великой страны, – напутствовал их комиссар у трапа, – чтоб вели себя по-человечески». Справедливости ради следует сказать, что это были не первые представители своей страны, кто отдыхал когда-либо на пляжах Санта-Круса. Бывали там и дипломаты, и известные артисты, но все это была публика, не отличимая от остальной. Однако времена менялись, в стране бурлила перестройка, и на курортах всего мира вот-вот должны были появиться не только баловни судьбы. Все шло к тому, что судьба, наконец, начнет баловать и народ. И гонцом грядущих перемен по трапу спустился первый десант из трех человек.

Светило солнышко, под ногами лежал теплый асфальт. Выйдя из порта и обогнув клумбу с цветами, тройца повернула в сторону, где, по их мнению, должен был находиться пляж. К тому же по пути располагался недорогой продуктовый магазинчик, «пристрелянный» заранее. Его хозяин, не чуждый бизнеса индус, за

электробриту «Бердск», поторговавшись для приличия, дал три бутылки бренди «Фантадор». Худо-бедно, но каждому выходило почти по литру. Эти бутылки были тремя дополнительными гирьками, склонившими чашу весов хорошего настроения к гарантии отличного отдыха. Плюс обещанием будущего комфорта у радиста из-под мышки торчало судовое одеяло. «Как белые люди!» – не смог сдержать восторга моторист. На закуску, естественно, не тратились, бутерброды с котлетами, захваченные загодя на камбузе, грелись в целлофановом пакете вместе с глухо позвякивающими гранеными стаканами.

До пляжа было довольно далеко. Но логика подсказывала, что если идти по шоссе вдоль океана, то рано или поздно можно найти место, пригодное для цивилизованного отдыха. Проезжающие мимо городские автобусы притормаживали, водители предлагали подвести. Но денег не было и, маскируя стеснение, приходилось делать вид, что прогулка под палящим солнцем джентльменам в удовольствие. Наконец добрались до пляжа. Это была песчаная коса у океана, по которой женщины ходили в бикини с неприкрытой грудью. Может, потому, что их было больше, чем мужчин, но в глаза бросились именно женщины. С непривычки расстилали одеяло, опустив глаза в песок. И первую бутылку пили, глядя на стаканы.

Когда выяснилось, что забыли взять воду, раньше всех освоился с резавшей глаза наготой третий механик. Он взял пустую бутылку и подчеркнуто небрежно прошелся вразвалку до торчащего из песка крана. Это было место, где отдыхающие омывали ноги, прежде чем сунуть их в шлепанцы. Там он наполнил бутылку теплой водой и там же из горлышка отхлебнул. На этот «выход леопарда к водопою» никто не обратил внимания, но по близстоящим женщинам, как ему показалось, пробежала незаметная глазу электроволна первобытного уважения к реальному самцу. Механик был чемпионом теплохода по поднятию двухпудовой гири, и если убрать начинающий выпирать живот и добавить кучерявую шевелюру, то по пляжным меркам вполне мог сойти за Аполлона. Внешность других членов тройки была не столь броской. Равно плотный моторист больше походил на колобка, сильно уступая механику в росте. Худенький радист с тонкими чертами лица рядом с ними выглядел интеллектуалом, кем, кстати, среди моряков и считался.

Народу на пляже было много, но лежали не густо. Метрах в десяти от одеяла, на котором расположилась наша компания, загорала, лежа на пестром полотенце, рыженькая дамочка лет тридцати. Лишь узкая полоска бикини перетягивала ее загорелые бедра. «Француженка», единогласно, как на судовом собрании, решили все. Причем «единогласно» не для протокола, а от чистого сердца. Именно такой, по всеобщему мнению, француженка и должна быть. С другой стороны на том же расстоянии, что и француженка, солидный седовласый мужчина в полосатом пляжном халате сидел в шезлонге, подставив лицо солнцу. Далее расположилась семья: папа, мама и двое детей, а рядом с ними огромный надувной кит-касатка. «Не знаю, что там думают защитники природы, – сказал третий механик, посмотрев на кита, – а в океане этих касаток, как головастика. Каждый день их видишь». «А вот акул не видно», – добавил моторист почему-то со вздохом. После чего все выпили по глотку. Закусили котлетами с камбуза, что дало радисту повод вспомнить, как он пытался поймать акулу в Красном море. В качестве наживки взял на камбузе кусок размороженного новозеландского барана пятидесятих

годов. «И что, – догадался третий механик, – акула такое мясо есть не хотела?» «Не хотела», – кивнул радист. И вот в чем парадокс, пища с камбуза вкусная, а акулы ее не едят. «А у нас на севере, – вступил в разговор моторист, – мамонт в вечной мерзлоте пролежал, но собаки ему хобот отгрызли». «Собаки наши, а акулы не наши», – цокнул языком третий механик. «Так это ж старые собаки, – глотнув бренди, продолжал моторист, – еще царских времен». Француженка, видимо, привлеченная разговором, который становился все громче, приподняла голову и посмотрела в их сторону. Моторист, заметив это, не смог подавить в себе рыцарский порыв и, подняв стакан, кивком пригласил скучавшую, как ему показалось, даму присоединиться. Тем временем третий механик и радист выпили еще по глотку и забыли, о чем был разговор. Лишь слова «царских времен» все еще висели в воздухе. «Вот потому-то революция и произошла», – снисходительно похлопал третий механик моториста по плечу. Рыженькая француженка продолжала с интересом смотреть на компанию. Моторист, не сводивший с нее глаз, снова решил пригласить ее присоединиться. Но как это сделать, не зная ни слова по-французски? Требовался некий международный жест-приглашение. Он поманил ее рукой и вдобавок похлопал ладонью по одеялу, как подзывают любимую собаку. Но непонятливая француженка опустила голову на полотенце и, закрыв глаза, снова погрузилась в солнечные лучи.

За разговорами и бренди прошло еще полчаса. Разогретая солнцем кожа жаждала морской прохлады, отфильтрованный почками бренди искал выхода. Радист повел глазом по пляжу в поисках туалета. Взгляд его перехватил третий механик и переадресовал в сторону моря. Море всегда несет успокоение человеческому телу. Зайдя в воду и постояв немного с задумчивым видом, троица некоторое время поплескалась, охлаждаясь на мелководе, но ждала начатая бутылка, и, как десантники по команде, все разом вышли на берег.

Разлеглись на одеяле с ощущением радости жизни. «Вот бы всегда так», – сказал моторист. «Деньги нужны, – цыкнул зубом третий механик, – электробритва не тот масштаб». «Да, в следующий раз нужно заценчить что-то посолиднее», – согласился моторист. И вдруг оба подняли головы и уставились друг на друга. Обоих озарила одна и та же мысль. Ведь с постройки судна запасной серп и молот, что красуется на трубе, лежал в машинном отделении, в слесарке. А он из бронзы. А бронза – цветной металл, который можно снести в магазин к индусу и тогда... Оба громко выругались, не в силах сдержать эмоций. «Что?» – не понял радист. «Серп и молот нужно продать», – пояснил моторист. «В масштабах страны?» – переспросил радист. «В масштабах страны и без нас продадут. А наш судовой вынесем в одеяле, как будто на пляж идем...» «Нет, это как-то уж слишком», – почесал затылок радист. «Послушай, если не мы, то начальство его точно...» – третий механик снова вернул крепкое словцо. Сидящий неподалеку в шезлонге пожилой мужчина в полосатом пляжном халате дернул головой. «Мужик не наш, а мат понимает», – тут же заметил третий механик. «Немец, я его давно раскусил», – сказал радист. «Точно, – подтвердил моторист, – и пальцев нет на левой ноге. Явно у нас в войну клешню отморозил. Ну, чтоб неповадно было», – предложил он тост. Поле чего все трое выпили с таким видом, будто это они когда-то загнали обладателя полосатого халата в снега и держали там, не давая поднять головы. «А мадам, что рядом, помоложе его будет, – закусив котлетой, кивнул в сторону мужика в халате моторист. – Опять же, в закрытом

купальнике». «Теперь они моралисты, – кивнул третий механик и громко, так, чтобы слышал обладатель полосатого халата, сказал: – Забыл, как над нашими бабами издевался?!» «Не ори, пугаешь людей», – остановил его радист. «А все равно никто вокруг ни бельмеса не понимает», – махнул рукой третий механик. Пожилой мужчина пристально посмотрел на троицу. «Все, ша, будем тихо», – жестом успокоил его моторист.

Солнце стояло в зените. Пот градом катился с тел. Пили бренди без тостов. Чтобы восполнить потерю жидкости, периодически ходили к крану за водой. Немец, видимо, крепко испортил настроение третьему механику, и он становился все мрачнее и мрачнее, пока, наконец, не вспомнил, что расстался перед рейсом со своей подругой. Радист решил прийти к нему на помощь и рассеять тяжелые мысли, пока под влиянием бренди они не заиклились и не отравили всем отдых. «Что у тебя с подругой твоей произошло?» Третий механик задумался, видимо, желая выразить все максимально просто, не вдаваясь в подробности. Думал, думал и наконец сказал: «Была нормальная женщина, затем что-то щелкнуло в ее голове, и у нее на все появилось свое мнение». Такой ответ радист пропустил мимо ушей и выдал заранее приготовленную фразу: «Что-то я не могу понять твоих страданий. Если ты порядочный человек, то должен был на ней жениться. А если непорядочный, то не должен и страдать». «Значит, если жениться, то страданий не будет», – уточнил моторист. «Будут, но иного плана», – сказал радист. И в этих «Фантадором» усиленных словах вдруг почувствовалась всем некая мудрость. И недюжинный ум каждый в себе ощутил. «Нам не чужда философия, – изрек радист, – философия у нас в крови». Все с уважением и даже некоторой благодарностью за эти проникающие в сердце слова посмотрели на него. «Этому упитанному стаду, – радист обвел глазами пляж, – нас не понять». И заметили все трое, как вдруг поглупели лица вокруг, померк лоск пляжных нарядов, уменьшились и сморщились груди и выпучились дряблые животы. «Наших бы барышень сюда», – вздохнул моторист, без всякой философии подытожив то, о чем все подумали.

После второй бутылки захотелось простора. Троица прошла вдоль пляжа до длинного каменного пирса, вдающегося в океан. От пирса параллельно пляжу тянулся канат с ограничительными буйками, от которого в глубину уходила сетка, защищавшая купальщиков от акул. Но в этом огороженном «лягушатнике» плавать было бы себя не уважать. А таблички, запрещающие нырять с пирса, и прочие надписи на непонятных языках как раз-таки подстегнули их поступить наоборот. Вступило в силу правило «запретный плод сладок». Как месяц назад, когда во время стоянки в Касабланке отвезли экипаж на пляж. Это был гигантский пляж, созданный самой природой, где многокилометровые дюны уходили за горизонт параллельно океанским волнам. Но вода холодная, никто не купался. Моряки по одному и группами лишь прохаживалась туда-сюда вдоль полосы, где морская пена таяла на желто-оранжевом песке. И тут капитан, завладев всеобщем вниманием, указал на полуразрушенные строения в дальнем конце пляжа. «Местный город воров, – сказал капитан, – туда даже полиция ходить боится». И абсолютно произвольно ноги сами собой всех туда понесли. Тогда капитан загнал команду в автобус и увез обратно на судно. Но здесь капитана не было. Моторист, радист и третий механик один за другим нырнули с дальнего конца пирса в открытое, неогороженное пространство океана. Этим они вызвали парочку женских ахов и

дополнительный к себе интерес находившихся на пляже отдыхающих. Для всех было загадкой: что на сей раз затеяли люди, пившие на солнцепеке бренди? В то же время никто из троицы не чувствовал, что нарушает какие-то правила, делает что-то не то. Это как швырнуть камнем в бродячего кота. Зачатки воспитания противятся, но проснувшийся инстинкт охотника шепчет: «Не упусти момент». Инстинкт всегда сильнее тех частей мозга, где сидит воспитание. И древний инстинкт, разбудивший в глубинах их душ не то перелетных птиц, не то вольных рыб, погнал всех троих в сторону горизонта. Плыли долго, а когда оглянулись, пляж показался им узкой полоской, по которой мелкими насекомыми ползали отдыхающие. Третий механик кивнул в сторону пляжа: «Лежбище котиков». «И собачек», – добавил радист. После чего оба долго смеялись. Моторист, плавая вокруг, все не мог понять, что тут смешного. Затем третий механик нырнул и, выставив над волнами ладонь ребром, изобразил подплывающую акулу. Другой рукой он схватил радиста за ногу. Но тот не испугался, а мудро заметил, что акул не боится, ибо наелся котлет с камбуза. Шутка была оценена всеми. Затем моторист, пообещав, что достанет со дна жемчужную раковину, надолго нырнул, но дна, похоже, не достал. Все уже были рады, что вынырнул. Решив всех позабавить, третий механик нырнул, но неглубоко и, выставив над водой волосатые ноги, изобразил девицу из синхронного плавания. «Смотрите, что я могу!» – попытался привлечь к себе внимание радист, желая тоже продемонстрировать какой-то водный трюк. Но на него долго не обращали внимания, а когда обратили, радист успел обидеться и трюка делать не стал. «Ну почему? – сказал он с досадой, отплевывая морскую воду. – Сталин говорил тихо, с акцентом и полунамеками, но его все слушали и понимали. А я тут громко кричу нормальным русским языком, но никто меня не слушает и не понимает». Вопрос этот был больше риторическим, и на него никто не ответил, зато все долго смеялись. Но каждый по-своему. «Вот если бы ты был не в плавках, а в мундире и сапогах, мы бы тебя слушали – выдал бы сквозь смех моторист, чем, в свою очередь, рассмешил радиста так, что тот чуть не захлебнулся.

«Пусть бегут неуклюже», – хлопая в такт ладонями по воде, затянул во все горло моторист, наслаждаясь простором и свободой. «Крокодилы по лужам», – подхватили радист с третьим механиком. Но песню перебили хриплые слова, доносившиеся из мегафона подъезжающего катера. Мегафон хрипел, судя по тону, нечто серьезное, из чего всем троим стало ясно, что катер направлялся именно к ним. «Что говорит?» – спросил третий механик у радиста, по долгу службы обязанного знать английский. «Молчим, – сказал радист, – отвечать буду я. А пока делаем вид, что катера не замечаем». В то же время по скоплению народа на пляже у воды было ясно, что появление катера и слова, летящие из мегафона, вызвали там бурный интерес. Покачиваясь из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть происходящее, отдыхающие напоминали колонию пингвинов.

Когда к нашим друзьям вплотную подошел спасательный катер, то на двенадцатиметровое судно с командой из двух моряков и капитаном в рубке, никто из них не обратил внимания. Им бросили спасательный канат с поплавком, напоминающий тот, что официально называется на советском флоте «конец Александрова». Не заметить его уже было нельзя. Все трое тут же жестами стали показывать, что в спасении не нуждаются. С катера повторно громко

рывкнул мегафон. Делать нечего, пришлось ухватиться за испанский вариант конца Александрова, и минуту спустя троица стояла уже на палубе. Из рубки вышел капитан. Задал вопрос по-испански. «Спик инглиш», – сказал радист и почему-то расправил плечи. Капитан перешел на английский, спросил, кто они и откуда. Радист ничего не ответил, а только указал рукой на пляж. Капитан переспросил, из какой они страны. Радист молчал. Третий механик и моторист плотнее придвинулись к радисту, поняв, что если он не отвечает, то капитан явно спрашивает не то. Понимая, что сопротивление бесполезно, но, чем черт не шутит, каждый мысленно разобрал себе в противники по матросу. Капитана взял на себя третий механик. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным постукиванием мотора. Капитан вынул из кармана и зачитал бумажку, из которой радист понял, что нарушение правил купания грозит им штрафом. «Штраф хочет влепить», – перевел остальным радист. От этих слов третий механик посмотрел на капитана, как Верещагин на Абдуллу после смерти Петрухи. Капитан опустил глаза и за ту секунду, пока их опускал, похоже, прикинул, что из всех троих лишь один говорит по-английски, но явно не англичанин, что происхождение троицы неизвестно, адреса своего они не выдают, но в лицах нечто такое, чего он прежде среди отдыхающих не встречал. И когда вновь поднял глаза капитан, то уже знал, что если еще раз повторить им о штрафе, то придется затем ремонтировать катер, а может, и поднимать его со дна. Какой же он после этого капитан, если допустит порчу вверенного ему судна? В конце концов, что ему, больше всех нужно? Он не пограничная служба, а спасатель. С пляжа отдыхающие приплыли, на пляж он их и вернет.

Их высадили на дальнем конце пирса, по которому они прошли походкой победителей и, будто три альбатроса в колонию пингвинов, снова вернулись на пляж. Несомненно, они были героями дня. Но тут одна пышная дама бальзаковского возраста, если ее описывать по-местному, по мнению же моряков – перекормленная старая мымра, вдруг, тряся вторым подбородком, заговорила что-то явно негативное на непонятном языке. Моторист хотел ей тут же ответить. «Не уподобляйся», – остановил его радист. Но в основном люди вокруг были приятные. Купаясь во всеобщем внимании, как только что вернувшиеся из полета космонавты, слегка страдая от гравитации, троица дошла до одеяла. Радист и третий механик устало растянулись на нем. Моторист, встав на одно колено, принялся открывать последнюю бутылку «Фантадора». Доверху разлил по стаканам... и тут случилось то, чего никто не ожидал. К ним сама подошла рыженькая француженка и, приложив руку к голой груди, видимо, успокаивая трепетавшее от волнения сердце, залепетала что-то вроде: «Как вы нас здесь всех напугали». Моторист выпрямился в полный рост и широким жестом, мол, что бы вы тут ни думали, а мы люди щедрые, протянул, по ходу коснувшись кулаком ее груди, полный стакан ей под нос. На секунду француженка замерла, затем резко развернулась и, всплеснув руками, будто рязанская баба, ушла, что-то постоянно повторяя. Моторист сел на одеяло, посмотрел на зажатый в руке стакан и сказал, пожав плечами: «Ну и чего ей не хватало?» «Все женщины одинаковые, – махнул рукой третий механик, от которого не ускользнуло то, как всплеснула руками француженка, – пусть уходит, нам больше будет». «Что больше, это правда, – согласился радист, – но хорошо б, если бы дамочка пригубила. А еще лучше, если б осталась». Моторист кивнул в знак согласия, почему-то с тоской посмотрел на

небо и изрек: «Дама, как говорится, любой компании украшение». «А такая дама – украшение вдвойне», – голосом Юрия Никулина добавил радист. Хохотали так, что расплескали бренди в стаканах.

До вечера было далеко, и время увольнительной позволяло еще погулять. Но закончилась последняя бутылка, а пляж наскучил своей предсказуемой преснятиной, хоть по началу и много обещал. Всем троим вдруг захотелось домой, на судно. «Пора, – сказал Жора, – судовая труба зовет». Да и без зова трубы всем не терпелось рассказать по каютам про то, как сегодня «зажигали на пляже». И хоть «сегодня» еще продолжалось, для всех это был уже прожитый день, ибо бренди был выпит и все, что могло случиться, уже случилось, а рассказ моряка всегда увлекательнее жизни. Троица поднялась, вытряхнула, взяв за концы одеяло, подняв мелкую песочную пыль, облачком полетевшую в сторону «вражеского шезлонга». «Кто не спрятался, я не виноват», – подмигнул владельцу полосатого халата третий механик. Затем жестом, обращенным ко всему пляжу, указал на бутылки, мол, кто хочет, может сдать, мы не возражаем, и двинулся в сторону шоссе. За ним медленно, как на третий день свадьбы по сельской улице, пошли, пошатываясь, моторист с радистом, которого моторист поддерживал под руку, ибо того, по его словам, «слегка развезло». Но песня творит чудеса, и как только затянули они в два горла «Море-море», вдруг выпрямился радист и даже стал приплясывать.

У шоссе возле них притормозил автобус. Но по раздраженным жестам можно было понять, что на сей раз ответом водителю было нечто гусарское, вроде: «Что стал? Немытая морда. Баре гуляют!»

Сидящий в шезлонге пожилой мужчина в полосатом халате долго смотрел им вслед. Его спутница, взглянув на уходящую троицу, сказала: «Слава богу, Алексей, это конец». «Сомневаюсь, – покачал он головой, – судя по вчерашней почте из Москвы, это только начало».

Юрий Пелюшонок родился в 1957 году в Минске. Окончил Белорусский институт физической культуры и медицинский факультет Гартуского университета. Прозаик. Автор книги «Strings For A Beatle Bass. The Beatles Generation In The USSR». Живет в Минске.

